

Владимир Кожедеев
Доверенные
лица
императорского
двора

Исторические детективы

Владимир Кожедеев

**Доверенные лица
императорского двора**

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Доверенные лица императорского двора / В. Кожедеев —
«Автор», 2026 — (Исторические детективы)

Детективный роман о чести, правде и цене, которую платят те, кто решается идти до конца. Петербург, осень 1875 года. На набережной Фонтанки экипаж насмерть сдавил статского советника Александра Дмитриевича Ключарева. Несчастный случай? Или искусно замаскированное убийство? Частный сыщик Лев Ильич Гаршин, хромой отставник с репутацией человека, который не умеет проигрывать, берётся за расследование. Но чем глубже он копает, тем яснее понимает: смерть друга — лишь верхушка айсберга. За ней стоит тень тридцатилетней давности, дело № 47, которое III Отделение пыталось похоронить вместе с его жертвами. Всё переплетается в этом запутанном клубке: императорская фамилия и цирковые акробаты, жандармские генералы и уличная шпана, старые смотрители Петропавловской крепости и молодые девушки, готовые рискнуть всем ради правды. Гаршину предстоит пройти через крепостные казематы, ночные облавы на Лиговке, засады на Крестовском острове и, наконец, встретиться лицом к лицу с теми...

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Набережная Фонтанки.	5
Глава 2. Происхождение Гаршина.	8
Глава 3. Юность и Крымская война.	10
Глава 4. Служба. Титулярный советник и сыск.	11
Глава 5. Враги. Граф и «Гриф»	12
Глава 6. Семья. Любовь и утрата.	13
Глава 7. Наши дни. Отставка и контора.	14
Глава 8. Тени прошлого.	15
Глава 9. Мертвец на Обуховском.	16
Глава 10. Дом на Сергиевской.	19
Глава 11. Крепость. Трубецкой бастион.	22
Глава 12. Ресторан «Лондон». Дорога через Лиговку	24
Глава 13. «Лондон». Утренний чай и старые связи.	27
Глава 14. Дом на Малой Садовой. Утренняя газета.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Кожедеев

Доверенные лица императорского двора

Глава 1. Набережная Фонтанки.

Осень 1875 года в Петербурге выдалась на редкость гнилая. Низкое небо, похожее на свинцовую крышку гроба, давило на город, выжимая из него сырость, смородиновый дым самоваров и тоскливый запах мокрой мостовой. Фонари на Фонтанке зажигали рано, но их керосиновый свет бессильно тонул в липком тумане, не достигая даже середины реки. Вода, черная и маслянистая, медленно несла к заливу желтые листья и прочий сор.

Именно в этот промозглый час, когда извозчики прятали носы в воротники, а городские предпочитали не отходить далеко от будок, на пороге частной сыскной конторы, расположенной в доме купца Елисеева на Малой Садовой, появился посетитель.

Сам хозяин конторы, титулярный советник в отставке Лев Ильич Гаршин, сидел у пылающего камина. Правая его нога, искалеченная еще во время Балканской кампании, была укутана в шотландский плед, на столешницу из карельской березы была водружена початая бутылка рябиновой настойки. Гаршин негромко насвистывал арию из «Жизни за царя», когда массивная дубовая дверь со скрипом отворилась.

В комнату, стряхивая с котелка капли тумана, вошел господин в дорогом, но промокшем насквозь пальто. Гаршин мысленно отметил: пальто от Норденштрема, но галоши – простые, казенные, словно их надели второпях, поверх домашних туфель. Лицо гостя было бледно, под глазами залегли синие тени, а руки, сжимавшие трость с набалдашником из слоновой кости, заметно дрожали. Дрожь эта была не от холода.

– Господин Гаршин? – голос посетителя звучал глухо, словно из подземелья. – Мне рекомендовали вас как человека, умеющего хранить тайны и распутывать самые... щекотливые обстоятельства.

– Садитесь к огню, батенька, – Гаршин кивнул на кресло напротив, не торопясь подниматься. Нога ныла к перемене погоды, предвещая затяжную непогоду. – Обстоятельства бывают лишь двух родов: те, за которые платят вперед, и те, за которые платят после. К какому отнести ваше?

Незнакомец опустился в кресло, протянул мокрые руки к огню. Вблизи Гаршин разглядел его получше: лет сорока, бакенбарды аккуратно подстрижены, но на щеке – странная царапина, свежая, словно от ногтя. Дворянин. Или крупный чиновник. Такие не ходят по сыскным конторам без крайней нужды.

– Вчера, – начал посетитель, глотая слова, – на моих глазах у Летнего сада погиб человек. Александр Дмитриевич Ключарев, статский советник, мой давний друг.

– Несчастный случай? – Гаршин приподнял бровь. – Осенний Петербург – опасное место. Колеса, копыта, лихачи...

– Это не случай, – перебил гость, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на безумный испуг. – Его раздавил экипаж. Но он знал. За час до гибели он прислал мне записку. Вот.

Трясущаяся рука извлекла из внутреннего кармана пальто сложенный вчетверо листок плотной бумаги. Гаршин взял его, надел пенсне, поднес к свече.

Почерк был торопливым, с нажимом, но четким:

*«Лев Ильич, если со мной что-то случится – ищите «Коломбину» в крепости. И берегите Сашу. Это не люди. Это тени прошлого. Простите.» *

– Записка адресована вам? – нахмурился Гаршин. – Или я ослышался, вы назвали меня?

– Нет, – гость горько усмехнулся. – «Лев Ильич» – это я. Лев Ильич Нестеровский. Адресат – вы. Поймите, Ключарев знал, что я собираюсь к вам за помощью по одному делу... Делу, которое началось тридцать лет назад. Он знал ваше имя, хотя вы с ним не встречались. И он написал это, чувствуя, что идет на верную смерть.

Гаршин отставил настойку. Запахло не просто уголовщиной. Запахло политическим сыском, старыми долгами и тем, что в Петербурге любят меньше всего – вмешательством в дела минувших дней.

– Кто «Саша»? – спросил он коротко.

– Моя дочь, – тихо ответил Нестеровский. – Ей семнадцать. И вчера, после гибели Александра Дмитриевича, она... пропала. Горничная нашла её комнату пустой. Окно открыто настежь, а на туалетном столике, среди флаконов с духами, лежала театральная маска. Белая. Арлекина.

– Маска, – задумчиво повторил Гаршин. – «Коломбина» в крепости. Арлекин уходит в ночь. Милый мой, Лев Ильич, вы водите свою дочь в итальянскую оперу?

– Она фанатка балета, – растерянно ответил Нестеровский, не понимая хода мысли сыщика.

– Нет, это не балет, – Гаршин с усилием поднялся с кресла, опираясь на резную трость с набалдашником в виде волчьей головы. Он подошел к окну, вглядываясь в туманную муть Малой Садовой. – Это итальянская комедия масок. Дель арте. Коломбина – служанка, умная, хитрая, вечно спасающая глупых влюбленных. Арлекин – её глупый, но удачливый спутник. Но если ваш друг упомянул «крепость»... Он говорил не о театре, Лев Ильич. В нашем городе есть только одна крепость, которая хранит такие тени.

Он обернулся. Лицо его было спокойно, лишь в глазах, навывкате, холодных и цепких, зажглось то самое выражение азарта и обреченности, которое так пугало его клиентов.

– Петропавловская, – прошептал Нестеровский.

– Именно, – кивнул Гаршин. – Тридцать лет, вы сказали? 1845-й год? Тогда там томились петрашевцы, дело о раскольниках было... Или что-то куда более темное, о чем не пишут в мемуарах. Ваш друг Ключарев нес не просто бумаги или деньги. Он нес знание. И за это его стерли в лепешку на набережной, приказав править кучеру прямо на тротуар.

С улицы донесся отдаленный крик извозчика и тяжелый топот копыт. Гаршин взял со стола запечатанный конверт, который ему вручил Нестеровский, и взвесил его на ладони.

– Что там? – спросил отец пропавшей девушки.

– Список пассажиров парохода, идущего в Штеттин. Копия, добытая вашим другом, видимо, ценой жизни. Кто-то очень богатый и очень влиятельный не хочет, чтобы эти люди покинули Россию. Или хочет, чтобы они покинули её тихо, но без одной души.

Гаршин натянул на плечи сюртук, тяжело опираясь на трость. Хромота делала его медлительным, но это впечатление было обманчивым. Он взял со стола увесистый револьвер системы Смита-Вессона, сунул его в карман и бросил взгляд на икону в углу, висевшую над кипой судебных уставов.

– Что вы будете делать? – спросил Нестеровский, поднимаясь.

– А вы, батенька, ступайте домой и сидите тише воды, ниже травы. – Гаршин надел котелок, надвинув его на лоб. – Я пойду искать вашу дочь. Если она взяла маску, значит, она пошла добровольно. А добровольно девицы из хороших семей уходят либо за любовью, либо за тайной. Учитывая, что её отец – друг покойника, который знал что-то про «тени прошлого», я ставлю на тайну. Начну с самого очевидного.

– С чего же?

Гаршин открыл дверь, впуская в комнату клубы холодного тумана и запах гниющих листьев. В полумраке парадной, пахнувшей кошками и щами, он обернулся, и его лицо на миг

напомнило Нестеровскому те самые маски – ни страсть, ни сострадание, только стальной расчет.

– С того, что Александр Дмитриевич Ключарев мертв. Мертвецы не лгут, но они многое могут рассказать, если уметь слушать. Сегодня ночью я наведаюсь в полицейский морг на Обуховском проспекте. А завтра, если вы не против, я должен буду присутствовать на панихиде. Мне нужно посмотреть в глаза тем, кто будет плакать над гробом вашего друга.

Он вышел на улицу, оставив Нестеровского в одиночестве у догорающего камина. За окном вновь послышался цокот копыт – это пролетка увозила сыщика в туман, к берегам Фонтанки, где в холодной воде всё еще отражались огни Адмиралтейства, и где, возможно, уже начиналась та страшная игра, в которой ставкой была не только жизнь пропавшей девушки, но и секрет, три десятилетия лежавший в сырых казематах Петропавловской крепости.

Глава 2. Происхождение Гаршина.

История жизни Льва Ильича Гаршина – человека, чья биография стала той самой «тенью прошлого», которую он так умело распутывает в чужих делах, но тщательно прячет в собственной душе.

Лев Ильич Гаршин родился 17 августа 1836 года в усадьбе «Белая Гора» Саратовской губернии. Отец его, Илья Петрович Гаршин, принадлежал к обедневшей ветви старинного дворянского рода, чья родословная уходила корнями в тульское боярство XVI века. К моменту рождения сына Илья Петрович числился титулярным советником – тот самый чин, который впоследствии унаследует и Лев, – и служил в Саратовской казённой палате. Мать, Софья Андреевна, урождённая княжна Мещерская, была женщиной образованной, держала дом на французский манер, выписывала «Современник» и тайком, от мужа, сочувствовала идеям, которые тогда называли «вольнодумством».

Имение было небогатым: семьдесят душ крепостных, старый барский дом с колоннадой, требовавшей постоянного ремонта, и запущенный английский парк, где маленький Лёва пропадавал целыми днями. Именно там, в тенистых аллеях, он впервые столкнулся с жестокостью мира – увидел, как управляющий сечёт крепостного парня за сломанную оглоблю. Ему было восемь лет. Он запомнил не столько боль наказанного, сколько бессильную злобу управляющего и свой собственный ледяной страх, смешанный с отвращением. Этот холод, как он позже понял, и был тем самым чувством, которое рождает настоящую ненависть к несправедливости.

В 1846 году, когда Льву исполнилось десять, родители отвезли его в Петербург и определили в Императорский Александровский лицей. Протекцию устроил дядя по матери, старый князь Мещерский, служивший при дворе. Прощание с матерью запомнилось на всю жизнь: она стояла на крыльце, прижимая к груди платок, а отец, уже сидя в экипаже, сухо заметил: «Не реви. Мужчина должен быть твёрдым. И помни: наша фамилия не позволяет нам быть ни глупыми, ни трусами».

Александровский лицей в те годы уже не был тем блестящим заведением, которое воспитало Пушкина. Но дух товарищества и негласные законы чести сохранялись. Гаршин поступил в приготовительный класс, а в 1848-м перешёл в первый. Сокурсники запомнили его как мальчика не по годам серьёзного, с тяжёлым взглядом из-под насупленных бровей и привычкой сначала слушать, потом говорить. За мрачноватую основательность его прозвали «Чугунным».

В лицее он нашёл двух близких друзей, ставших для него братьями.

Александр Дмитриевич Ключарев – тот самый, чья гибель открывает нашу историю. Он был старше Гаршина на год, из московских купцов-старообрядцев, получивших дворянство за благотворительность. Саша был мечтателем, романтиком, писал стихи, знал наизусть всего Лермонтова и безумно любил театр. В лицейской иерархии такие обычно становились объектом насмешек, но Ключарева не трогали – за ним стоял Гаршин, а Чугунного боялись. Их дружба строилась на контрасте: Лев защищал Александра от грубости мира, Александр учил Льва видеть в мире не только грязь и жестокость, но и красоту. Именно Ключарев привил Гаршину любовь к итальянской комедии масок, к театру, к той игре смыслов, где под смешной личиной скрывается трагедия.

Михаил Николаевич Нестеровский – тот самый посетитель, который приходит в контору в начале нашей истории. Он был из петербургских немцев-лютеран, принявших православие. Нестеровский был старше всех на два года, держался особняком, но обладал редким качеством: он умел хранить тайны. В лицее все шушукались о том, что Нестеровский знает что-то про директора, поэтому ему прощают опоздания и вольности. На самом деле секрет был проще: Миша был сыном управляющего делами графа Бенкендорфа, и связи его семьи простирались

далеко за пределы учебного заведения. Но сам Нестеровский этих связей стеснялся и тянулся к Гаршину за той самой «честной простотой», которую, как ему казалось, он сам утратил.

Врагов в лице у Гаршина было достаточно. Главным – граф Алексей Павлович Шувалов-Бельский, из той самой ветви Шуваловых, что была близка к III Отделению. Алексея все называли «Павлин» – за любовь к щегольству, высокомерие и жестокую привычку устраивать «травли» неугодных. В 1852 году между Гаршиным и Шуваловым произошла история, о которой до сих пор ходили легенды. Шувалов-Бельский публично оскорбил Ключарева, назвав его «ситцевым дворянчиком» и намекнув на его купеческое происхождение. Гаршин не стал кричать, не стал драться – он дождался вечера, выследил Шувалова в коридоре и, когда тот проходил мимо, просто сказал тихо, чтобы слышали только двое: «Ещё раз, граф, я выбью вам зубы. А после найму столяра, чтобы вставил новые. Из берёзы. Чтобы помнили».

Шувалов не тронул Ключарева больше никогда. Но с того дня Гаршин приобрёл врага на всю жизнь.

Глава 3. Юность и Крымская война.

В 1855 году, не доучившись последний курс (из-за начавшейся Крымской войны и патриотического порыва), Гаршин вместе с Ключаревым и Нестеровским добровольцами ушёл в армию. Нестеровского, по протекции отца, определили в гвардию, Ключарев и Гаршин попали в пехотный полк, отправленный в Крым.

Гаршин участвовал в обороне Севастополя. Именно там он получил то, что навсегда изменило его жизнь. При отражении штурма 27 августа (8 сентября по новому стилю) 1855 года, на Малаховом кургане, ядро разорвалось в десяти шагах от него. Осколок перебил берцовую кость правой ноги и застрял в коленном суставе. Полевой хирург, знаменитый Николай Иванович Пирогов, лично делал операцию в перевязочном пункте, под градом пуль. Ногу удалось сохранить, но на всю жизнь Гаршин остался хромым, а боль в кости становилась верным предвестником любой непогоды.

За отличие при обороне он был награждён орденом Святой Анны IV степени «За храбрость» и произведён в прапорщики. Восемнадцатилетний юноша, только вчера читавший в лицее римское право, теперь знал цену крови, страху и смерти. В Севастополе он потерял многое: способность улыбаться легко, привычку доверять первым встречным и веру в то, что справедливость всегда торжествует сама собой.

После войны, в 1856-м, Гаршин вернулся в Петербург. Нога не позволяла продолжать военную службу. Ключарев, демобилизовавшись, поступил на гражданскую службу. Нестеровский остался в армии, но вскоре женился и осел в столице.

Глава 4. Служба. Титулярный советник и сыск.

В 1857 году Гаршин поступил на службу в Министерство внутренних дел, в канцелярию петербургского обер-полицмейстера. Здесь он быстро нашёл себя. Ему давали самые сложные дела: кражи со взломом в дворянских особняках, дела о фальшивомонетничестве, случаи загадочных исчезновений. Его метод – спокойствие, терпение и умение разговаривать с людьми из самых низов – казался странным для полицейского того времени. Гаршин не кричал, не бил, не использовал привычных методов дознания. Он задавал вопросы и слушал. А потом сопоставлял факты.

Начальство ценило его, но не любило. Гаршин слишком часто находил виновных там, где высоким покровителям было удобнее сделать козлами отпущения мелких сошек. Он трижды был на грани увольнения, и трижды его спасало заступничество людей, которым он помог.

В 1863 году его произвели в титулярные советники – чин IX класса, дававший право на личное дворянство (родовое у него и так было, но служба есть служба). Это был его потолок. Дальше по карьерной лестнице он двигаться не хотел – или не мог. Вышестоящие должности требовали не столько ума, сколько угодливости.

На службе у него появились соратники.

Андрей Петрович Сомов – полицейский пристав, грубоватый, необразованный, но с феноменальной памятью на лица и удивительной честностью. Сомов был из солдатских детей, дослужился до чина сам, без протекции. Гаршин и Сомов работали в паре много лет. Сомов брал на себя «силовую» часть: облавы, задержания, разговоры с извозчиками и дворниками. Гаршин – интеллектуальную. Они дополняли друг друга, как ключ и замок. Сомов был единственным человеком, кому Гаршин доверял безоговорочно, и единственным, кто видел его не «Чугунным», а просто Львом.

Владимир Сергеевич Толбухин – коллега по канцелярии, из обедневших дворян Тверской губернии. Толбухин был блестящим аналитиком, но обладал двумя недостатками: любил карты и был слаб на язык. Именно Толбухин ввёл Гаршина в мир больших петербургских домов, познакомил с людьми, которые «что-то значат». Толбухин умел добывать информацию там, где Гаршин бессилен – в будуарах, гостиных, за карточными столами. Их дружба была сложной, с оттенком взаимной зависти: Толбухин завидовал цельности Гаршина, Гаршин завидовал лёгкости Толбухина.

Глава 5. Враги. Граф и «Гриф»

Главным врагом Гаршина, перешедшим из лицейских лет во взрослую жизнь, оставался **граф Алексей Павлович Шувалов-Бельский**. К 1870-м годам граф был видной фигурой: полковник корпуса жандармов, человек, приближённый к шефу III Отделения. Шувалов-Бельский был умен, жесток и злопамятен. Он не простил Гаршину лицейского унижения.

Их противостояние имело конкретную форму. Шувалов-Бельский занимался политическим сыском. Гаршин – уголовным. Но границы часто стирались: любое громкое уголовное дело могло иметь политический подтекст, и здесь пути врагов пересекались. Шувалов-Бельский трижды пытался подставить Гаршина, подбросить ему «компрометирующие» бумаги, обвинить в связях с революционерами. Трижды Гаршин выходил сухим из воды, но каждый раз это стоило ему нервов и здоровья.

Однажды, в 1867 году, Шувалов-Бельский добился того, что Гаршина отстранили от расследования дела об ограблении Московского вокзала. Дело передали жандармам. Оно было развалено, преступники ушли, а украденные деньги – тридцать тысяч рублей – исчезли навсегда. Гаршин знал, что деньги осели в карманах людей, близких к Шувалову, но доказательств не было. С того дня он поклялся себе, что будет бить Шувалова-Бельского не в открытую, а делом – каждый раз, когда сможет доказать, что жандармский сыск не умеет работать.

Вторым врагом, менее публичным, но не менее опасным, был **Никодим Борисович «Гриф» Гриневский**. Человек без чина и звания, но с огромным влиянием в преступном мире Петербурга. Гриневский – бывший канцелярист, выгнанный за растрату, – стал главным «решало» в столице. Он организовывал крупные кражи, крышевал игорные дома, имел связи в полиции. Гаршин посадил пятерых его людей, разорил два подпольных притона и перекрыл канал сбыта краденого через Варшавский вокзал. Гриневский поклялся, что «Чугунный» доиграется.

Их противостояние было личным, почти готическим: Гаршин знал, что Гриневский спит с графиней, которая когда-то была влюблена в него, Гаршина; Гриневский знал, что Гаршин хранит в сейфе письма, способные уничтожить карьеру трёх генералов. Они были связаны общей тайной и общей ненавистью. Гриневский – это та самая тень, которая иногда мелькала за окном конторы на Малой Садовой, и Гаршин никогда не ложился спать, не проверив, заперт ли смит-вессон.

Глава 6. Семья. Любовь и утрата.

В 1860 году Гаршин женился. Его избранницей стала Елизавета Павловна Дубенская, дочь коллежского советника, преподавательница французского языка в Смольном институте. Она была старше его на два года, не отличалась красотой – худощавая, с внимательными серыми глазами и тихим голосом. Но в ней было то, что Гаршин ценил больше всего: спокойствие, ум и абсолютная, непоколебимая верность.

Они прожили вместе девять лет. Это были лучшие годы его жизни. Елизавета родила ему троих детей.

Софья (1861 г.р.) – старшая, названная в честь матери Гаршина. Девочка росла живой, остроумной, пошла в отца – такой же тяжёлый, пронзительный взгляд. Она единственная из детей унаследовала его способность подмечать детали, которые другие не видят. Гаршин часто говорил: «София у меня в сыщики пойдёт, если барышням позволят».

Николай (1863 г.р.) – средний, болезненный мальчик, весь в мать. Тихий, набожный, тянулся к музыке и рисованию. Гаршин не понимал его, но любил той особой, беспомощной любовью, которую сильные мужчины чувствуют к слабым детям.

Алексей (1865–1869) – младший, умер в четырёхлетнем возрасте от скарлатины.

Смерть Алексея стала тем рубежом, после которого семья Гаршиных дала трещину. Елизавета Павловна, и без того не отличавшаяся крепким здоровьем, после болезни сына слегла. Врачи говорили о чахотке. Гаршин возил её в Ниццу, тратил все сбережения, занимал у Нестеровского и даже – впервые в жизни – у Ключарева, хотя это было мучительно. Ничего не помогло.

В мае 1869 года Елизавета Павловна умерла. Гаршину было тридцать три года.

Смерть жены изменила его. Он стал ещё более замкнутым, ещё более жёстким. Детей – Соню и Колю – он отправил к тётке, сестре матери, в Саратовскую губернию. Не потому, что не любил, а потому, что не мог смотреть на них каждый день, они напоминали о том, что у него было и что он потерял. Он навещал их раз в год, присылал деньги, писал длинные письма, но в Петербурге жил один, в холостяцкой квартире на Малой Садовой, превратившейся позже в сыскную контору.

После смерти Елизаветы он бросил службу. Официальная причина – отставка по состоянию здоровья, «в связи с усугублением последствий ранения». Истинная причина – он больше не мог подчиняться начальству, которое считало его «неудобным». Он ушёл в частный сыск, открыв в 1870 году контору, первую в Петербурге подобного рода. Сомов ушёл с ним. Толбухин остался на службе, но продолжал снабжать Гаршина информацией.

Глава 7. Наши дни. Отставка и контора.

1875 год. Гаршину тридцать девять лет, но выглядит он на все пятьдесят. Седые виски, глубокие морщины вокруг рта, тяжёлый подбородок. Хромота усилилась, летом он ещё обходится тростью, зимой и в непогоду – двумя костылями.

Контора на Малой Садовой – это не просто место работы. Это его крепость. Здесь он принимает клиентов, здесь хранится архив (три железных сундука с делами, которые он вёл за последние пять лет), здесь на стене висит портрет Елизаветы, прикрытый тёмной тканью, которую он отодвигает только по ночам, когда остаётся один.

Друзья остались те же.

Ключарев – теперь статский советник, человек со связями, но всё такой же романтик. Они видятся реже, чем хотелось бы, но Гаршин знает: если понадобится, Александр Дмитриевич придёт первым. Или пришлёт записку. Записку, которая станет началом этого дела.

Нестеровский – отец пропавшей Саши, той самой, чья комната пуста, а на столике лежит маска Арлекина. Они не теряли связи, но дружба их была ровной, без прежнего жара. Нестеровский ушёл в семью, в тихую жизнь, в воспитание дочери. И вот теперь тишина взорвалась.

Сомов – по-прежнему рядом, хотя формально уже не пристав. Сомов ушёл со службы через год после Гаршина, работал «вольным» охранником, но всегда был готов подставить плечо. Именно Сомов сейчас, в эти часы, должен быть на Обуховском проспекте, в морге, дожидаться, пока Гаршин подойдёт осматривать тело Ключарева.

Толбухин – живёт своей жизнью, проигрывает в клубе жалованье, но, когда Гаршин попросил навести справки про пассажиров парохода в Штеттин, пообещал узнать всё к утру.

Враги тоже никуда не делись.

****Шувалов-Бельский**** теперь генерал-майор, и ходят слухи, что он скоро займёт кресло в Департаменте полиции. Гаршин знает: если это случится, его контору закроют в течение недели. Но пока граф занят большой политикой, ловлей «крамолы», и у него нет времени на мелкого сыщика-частника.

****Гринеvский**** («Гриф») вышел из тени. Говорят, он скупил пол-Лиговки, держит лучшие игорные дома и имеет долю в двух доходных домах. Гаршин понимает: рано или поздно их дороги пересекутся снова. Слишком много у них общего прошлого.

Глава 8. Тени прошлого.

Гаршин часто думает о том, что его жизнь сложилась из обломков. Лицей – обломок юности. Севастополь – обломок тела. Жена – обломок сердца. Но из этих обломков он сумел построить нечто цельное: репутацию человека, которому можно доверить тайну, которого нельзя купить и почти невозможно запугать.

Он знает, что за ним идёт шлейф слухов. Говорят, он был влюблён в жену Шувалова-Бельского (ложь). Говорят, он проиграл в карты состояние (полуправда: проиграл не состояние, а десять тысяч, которые занял на лечение жены, и отыграл их через год, но слух остался). Говорят, он был замешан в деле о поджоге Апраксина двора (ложь от начала до конца, пущенная Гриневским).

Но главное, что о нём говорят те, кто знает его близко: Гаршин – человек, который не умеет проигрывать. Не потому, что он везучий. А потому, что перед тем, как начать игру, он просчитывает все ходы на десять шагов вперёд, включая свои собственные ошибки.

И сейчас, когда на его столе лежит записка погибшего друга, а за окном туман скрывает шпиль Петропавловского собора, он чувствует то самое знакомое напряжение, которое предшествует большой охоте. Он знает: «Коломбина в крепости» – это не просто слова. Это ключ. Это приглашение в прошлое, где тридцать лет назад произошло нечто, за что убивают до сих пор.

Он поднимается с кресла, накидывает пальто и, хромя, выходит в туман. Сомов ждёт в морге. Ночь будет долгой. Но Гаршин привык работать по ночам – в темноте легче разглядеть тени, которые при свете кажутся невинными прохожими.

*Такова история человека, которому предстоит распутать клубок, где переплелись любовь и предательство, политика и уголовщина, театральные маски и настоящие лица. Впереди – ночь в морге, встреча с теми, кто придет на панихиду, и первый шаг к Петропавловской крепости, где ждёт ответ. *

Глава 9. Мертвец на Обуховском.

Обуховский проспект в этот час напоминал ущелье, по дну которого текли не люди, а тени. Фонари горели через один, и Гаршин, опираясь на трость, шагал по мокрым плитам тротуара с той размеренной осторожностью, которую вырабатывают годы хромоты. Туман здесь был гуще, чем в центре, – близость Невы давала о себе знать, и воздух пах не просто сыростью, а чем-то глубинным, речным, кладбищенским.

Здание полицейского морга, куда свозили неопознанные тела и жертв уличных происшествий, помещалось в длинном одноэтажном флигеле, прилепившемся к пожарной части. Окна его были зарешечены, дверь обита железом, и вся постройка казалась не городским учреждением, а загородной острожной баней – такой же неприглядной, такой же пахнущей карболкой и известкой.

У входа, привалившись спиной к стене и покуривая дешёвую папиросу, стоял Андрей Петрович Сомов. Увидев Гаршина, он отлепился от кирпичной кладки, раздавил окурочек каблук и пошёл навстречу, широко расставляя ноги – привычка человека, привыкшего держаться устойчиво на любой поверхности.

– Лев Ильич, – голос у Сомова был низкий, простуженный, с хрипотцой. – А я уж думал, не придёте. Фельдшер здешний, Пахомыч, уже спать ложился. Еле уговорил подождать.

– Не мог раньше, – Гаршин остановился, перевел дыхание. Нога после долгой ходьбы ныла так, что перед глазами плыли жёлтые круги. – Дома клиент был. Что скажете?

Сомов оглянулся на дверь, понизил голос:

– Тело здесь. Привезли сегодня к вечеру. С набережной Фонтанки, прямо от Летнего сада. По документам – статский советник Ключарев, Александр Дмитриевич. Но я, Лев Ильич, вам доложу: не всё тут чисто.

– Что значит «не чисто»?

– А то, – Сомов приблизился почти вплотную, и Гаршин почувствовал запах дешёвого табака и ещё чего-то кислого, служебного, – что кучер, который задавил, – бесследно исчез. Экипаж нашли в переулке у Симеоновского моста, лошадь привязана, а кучера нет. И нет даже следа, чтобы он оттуда пешком уходил. Будто сквозь землю провалился.

– Полиция что?

– Полиция, – Сомов скривился, – полиция пишет «несчастный случай». Свидетели нашлись, говорят, статский советник на мостовую выскочил не глядя, лошади испугались, ну и... Один свидетель даже утверждает, что господин Ключарев был пьян.

– Не был, – резко сказал Гаршин. – Ключарев не пил. Вообще.

Сомов взглянул на него с пониманием.

– Значит, свидетель врёт. Или его подкупили. Или запугали. В любом случае, Лев Ильич, я вам так скажу: Пахомыч, фельдшер, пока тело принимал, нашёл кое-что. Он сам вам покажет.

Они вошли внутрь. В коридоре пахло хлоркой, керосином и тем сладковатым, невыносимым духом, который бывает только там, где лежат мёртвые тела. Гаршин, несмотря на весь свой опыт, каждый раз заново привыкал к этому запаху. Он шёл, стараясь не переносить вес на правую ногу, и мысленно перебирал то, что уже знал.

Ключарев мёртв. Убит, вне всякого сомнения, – экипаж не мог просто так взять и наехать на пешехода в том месте, где тротуар отделён от мостовой гранитным бордюром. Кучер исчез. Свидетель говорит о пьянстве – значит, кто-то замечает следы. Записка, в которой Ключарев предупреждает Нестеровского об опасности, написана за час до гибели. И в ней – «Коломбина в крепости».

Всё это складывалось в картину, но картина была смазана, как акварель под дождём. Не хватало одного – мотива. За что убили Ключарева? Что он знал? И при чём здесь дочь Нестеровского, Саша, которая пропала в ту же ночь, оставив на столике маску Арлекина?

Пахомыч, морговский фельдшер, оказался сухоньким старичком с лицом, напоминающим печёное яблоко, и руками, которые, несмотря на профессию, были удивительно чисты и ухожены. Он встретил Гаршина без лишних слов – привык к ночным визитам сыщиков.

– Лев Ильич, – сказал он, отворяя дверь в прозекторскую, – вы уж простите за прямоту, но я своё дело знаю. Тридцать лет с мертвецами. И скажу вам: господин этот не сам под колёса бросился.

– Откуда такая уверенность?

Пахомыч молча подошёл к столу, накрытому простынёй, и откинул ткань.

Гаршин сделал шаг вперёд и замер.

Ключарев лежал с закрытыми глазами, и в жёлтом свете керосиновой лампы лицо его казалось восковым, чужим. Но Гаршин узнал бы эти черты среди тысячи – острый нос, высокий лоб, тонкие губы, которые в юности так легко складывались в улыбку. Теперь улыбаться было нечему. Грудная клетка проломлена, правая рука неестественно вывернута, и вся левая половина лица – от виска до подбородка – представляла собой сплошной кровоподтёк.

– Смотрите сюда, – Пахомыч взял лампу и поднёс ближе к голове покойного. – Вот, за левым ухом. Видите?

Гаршин наклонился. За ухом, там, где волосы были редкими, виднелась небольшая, с копеечную монету, ссадина, а под ней – припухлость. Фельдшер кончиком пинцета осторожно приподнял край кожи, и Гаршин увидел то, что искал: маленькое, почти незаметное отверстие, края которого уже начали темнеть.

– Это не от удара о мостовую, – тихо сказал Пахомыч. – Это шило. Или тонкий стилет. Удар нанесён сзади, сверху вниз. И знаете что? Смерть наступила не от того, что экипаж переехал. Он уже был мёртв, когда под колёса попал. Или почти мёртв. Удар в затылок – он парализует, Лев Ильич. Человек падает, не может двинуть ни рукой, ни ногой. А уж потом...

Пахомыч замолчал, аккуратно прикрывая рану.

– Значит, сначала удар, – медленно проговорил Гаршин, – потом экипаж.

– Так точно. И сделано умеючи. Тот, кто бил, знал, куда ткнуть. Я таких ран насмотрелся. Это не разбойник на тёмной улице. Это профессионал.

Гаршин выпрямился. Нога болела, но голова работала ясно, даже слишком ясно. Профессионал. Удар сзади. Экипаж, который подъезжает вовремя, чтобы скрыть следы убийства. Исчезнувший кучер. Всё это пахло не уличным преступлением и не случайным нападением. Это была казнь.

– Пахомыч, – спросил он, – а что в вещах покойного? Деньги, бумаги?

Фельдшер развёл руками.

– Пусто. Карманы вывернуты. Часы золотые – пропали. Бумажник – пропал. Даже запонки с манжет сняли. На первый взгляд – обычный грабёж.

– Слишком чисто для грабежа, – заметил Сомов из угла. – Грабитель заберёт часы, бумажник, но запонки – это уж слишком. Это не грабёж, это замечание следов. Чтобы никто не нашёл того, что у покойного было с собой.

Гаршин кивнул, не отрывая взгляда от лица друга. Он знал, что искали убийцы. Записку, которую Ключарев отправил Нестеровскому, они не нашли – она была при нём, но Нестеровский успел её извлечь, прежде чем вызвать полицию? Или Ключарев отправил её до того, как вышел на набережную? Скорее второе. Ключарев знал, что идёт на смерть, и успел предупредить друга.

Но была ещё одна вещь. Список пассажиров парохода, идущего в Штеттин. Копия, которую Ключарев добыл. Где она? Если убийцы её нашли – значит, они знают, что кому-то ещё известно о списке. И этот кто-то – Нестеровский.

– Сомов, – сказал Гаршин, поворачиваясь, – вы остаётесь здесь. Утром приедет полицейский врач для официального осмотра. Вы будете рядом и проследите, чтобы все выводы Пахомыча попали в протокол. Ни слова о ране за ухом – только то, что видят глаза. Пусть официально это будет несчастный случай. Чем меньше знает полиция на этом этапе, тем лучше.

– А вы, Лев Ильич?

– Я, – Гаршин накинул пальто, – еду к Нестеровскому. Нужно понять, что именно знал Ключарев. И найти Сашу, пока её не нашли те, кто убил её отцовского друга.

Он остановился в дверях, обернулся, посмотрел на лицо Ключарева, залитое жёлтым светом лампы.

– Прости, Саша, – сказал он тихо, так, чтобы не слышали другие. – Я найду.

Глава 10. Дом на Сергиевской.

Дом Нестеровских на Сергиевской улице был одним из тех петербургских особняков, которые кажутся спящими даже среди бела дня. Двухэтажный, с колоннами портика, он стоял в глубине двора, отделённый от улицы чугунной оградой с воротами, на которых застыли бронзовые грифоны. Сейчас, в час ночи, окна были тёмными, если не считать одного – на втором этаже, где, судя по всему, горела свеча за плотной шторой.

Гаршин позвонил. Долго не открывали, и он уже собрался позвонить вторично, когда калитка со скрипом отворилась. На пороге стоял старый слуга в сюртуке, накинутом наспех, с лицом, опухшим от бессонницы.

– Господин Нестеровский ждёт? – спросил Гаршин, не снимая котелка.

Слуга молча кивнул и провёл его в дом. Внутри пахло лампадным маслом, сушёными травами и тем особенным, трудноуловимым запахом, который бывает в домах, где случилось горе. В прихожей на столике лежала визитная карточка – Гаршин машинально прочитал: «Князь П.П. Мещерский». Кто-то уже был здесь сегодня. Кто-то из высоких.

Нестеровский ждал в кабинете, у камина. Он не переодевался с вечера – тот же сюртук, те же домашние туфли, которые Гаршин заметил ещё при первой встрече. Но теперь он выглядел не просто взволнованным, а раздавленным. Глаза запали, пальцы нервно теребили угол платка.

– Лев Ильич, – сказал он, когда Гаршин вошёл, – я уже думал, что вы не придёте. Вы были... там?

– Был, – Гаршин опустился в кресло, протянул руки к огню. – Ваш друг мёртв. Но не от колёс. Его убили ударом в затылок, а экипаж – только прикрытие. Кто-то очень хотел, чтобы смерть выглядела как несчастный случай.

Нестеровский побелел. Он открыл рот, но не издал ни звука – только сжал подлокотники кресла так, что побелели костяшки пальцев.

– Говорите, – Гаршин смотрел на него в упор. – Что знал Ключарев? Что за список пассажиров? Куда пропала ваша дочь? Я не уйду отсюда, пока не получу ответы.

Нестеровский молчал так долго, что Гаршин уже начал терять терпение. Но наконец тот заговорил – тихо, срывающимся голосом.

– Вы знаете, что в 1845 году, когда мы все были ещё в лицее, произошло нечто... негласное. Дело, о котором не писали в газетах, не говорили в гостиных. Следствие вели жандармы, лично граф Орлов. В Петербурге тогда открылась сеть подпольных типографий. Печатали не прокламации, не запрещённые стихи – печатали фальшивые ассигнации.

Гаршин нахмурился.

– Фальшивомонетки? Это дело полиции, не тайной канцелярии.

– Не просто фальшивомонетки, – Нестеровский поднял на него глаза, и в них был такой страх, что Гаршин невольно подался вперёд. – Типографии находились в имениях крупнейших дворянских фамилий. Деньги печатали не для обогащения – для финансирования тайного общества. Заговор, Лев Ильич. Настоящий заговор. Участники планировали переворот, хотели сменить императора ещё до того, как Николай Павлович успеет состариться.

– И что же? – Гаршин чувствовал, как в груди разливается холод. – Заговор раскрыли?

– Раскрыли, но... тихо. Очень тихо. Орлов доложил государю, а государь... он не захотел публичного скандала. Участников не судили, не сослали в Сибирь. Их... использовали. Шантажировали. Заставили работать на III Отделение. А тех, кто отказался, – убрали. Как убрали сегодня Ключарева.

Гаршин медленно выдохнул.

– Ключарев был замешан?

– Нет! – Нестеровский почти выкрикнул это слово. – Саша был чист. Но он узнал. Совсем недавно, случайно, разбирая бумаги своего покойного дяди, который служил в Сенате. Дядя вёл секретное делопроизводство по этому делу. И Саша понял, что заговор не был раскрыт до конца. Кто-то из самых верховных участников не просто уцелел – он остался при власти. И теперь, тридцать лет спустя, этот человек готовится нанести новый удар. А список пассажиров парохода в Штеттин – это список людей, которых вывозят из России. Свидетелей. Тех, кто знал правду и кого нужно убрать с дороги.

– Пароход. Штеттин. – Гаршин прикрыл глаза. – Когда отплытие?

– Завтра. В полдень. Список у меня. Ключарев передал его перед смертью. Но в списке нет одного имени. Того, кто всем этим управляет.

– И вы думаете, что Саша...

– Саша нашла этот список, – голос Нестеровского сорвался. – Она читала мои бумаги. Она умная, Лев Ильич, слишком умная. И она решила, что должна... что должна что-то сделать. Найти «Коломбину в крепости». Я не знаю, что это значит, но она уверена, что это ключ. И вчера вечером, после того как пришла весть о смерти Ключарева, она исчезла. Взяла маску – ту, что мы купили в итальянской опере год назад – и ушла. Оставила записку: «Не ищите меня, папа. Я вернусь, когда всё закончится. Я знаю, кто убил дядю Сашу».

– Записка у вас?

Нестеровский протянул ему маленький листок почтовой бумаги, исписанный аккуратным, ученическим почерком. Гаршин прочитал, сложил и убрал во внутренний карман.

– Она знает, кто убил, – повторил он. – Девочка знает больше, чем её отец. И она пошла в крепость. В Петропавловскую.

– Но зачем? Что там?

– «Коломбина», – медленно сказал Гаршин. – В итальянской комедии Коломбина – служанка, умная, хитрая, всегда знает больше, чем говорит. Она помогает влюблённым, но сама никогда не попадает в ловушку. Если ваш друг назвал это «Коломбиной в крепости», значит, речь не о человеке. Речь о тайнике. О месте, где спрятано нечто, что может всё объяснить. И ваша дочь туда пошла.

Он поднялся, чувствуя, как нога отказывается слушаться, но не позволяя себе показать боль.

– Я найду её. Но вы должны мне кое-что пообещать, Лев Ильич.

– Всё что угодно.

– Не вмешиваться. Сидеть дома. Никуда не выходить. Ваш друг мёртв, потому что что-то знал. Вы знаете то же самое, и вы следующий. Если с вами что-то случится, я не смогу помочь вашей дочери.

Нестеровский кивнул, и Гаршин увидел в его глазах благодарность, смешанную с тем самым бессильным страхом, который он так хорошо знал.

Гаршин вышел на Сергиевскую. Туман рассеялся, и над крышами показался шпиль Петропавловского собора, чёрный на фоне серого неба. Часы на колокольне показывали половину третьего.

Крепость. Там, в казематах Трубецкого бастиона, тридцать лет назад держали тех, кого нельзя было судить, но нельзя было и отпустить. Там прятали тайны, которые могли потрясти империю. И туда, в самое сердце этой каменной тюрьмы, ушла семнадцатилетняя девочка с маской Арлекина в руках.

– Сомов, – сказал Гаршин, когда его друг, словно из темноты, материализовался рядом.

– Мы идём в крепость.

– Сейчас? – Сомов оглянулся на часы. – Лев Ильич, туда без пропуска...

– У меня есть пропуск. – Гаршин достал из кармана пожелтевший лист, скреплённый сургучной печатью. – Старый, но до сих пор действительный. Ещё с тех пор, как я служил

в канцелярии. Там написано: «Предъявитель сего имеет право доступа во все казённые учреждения Санкт-Петербурга в связи с исполнением служебных обязанностей». Пока никто не отменил.

Сомов посмотрел на бумагу, на Гаршина, снова на бумагу.

– Вы, Лев Ильич, – сказал он наконец, – удивительный человек. Но вы понимаете, что, если нас там поймут – не спасут никакие бумажки?

– Понимаю, – Гаршин запахнул пальто и, хромя, направился в сторону Невы. – Поэтому постараемся не попадаться.

Глава 11. Крепость. Трубецкой бастион.

Петропавловская крепость в предрассветный час была похожа на огромный каменный зверь, прилёгший на берегу. Зубцы стен, чёрные амбразуры, и над всем этим – шпиль собора, уходящий в небо, где уже начинали гаснуть звёзды.

Гаршин знал это место. Он бывал здесь по делам службы – в те годы, когда ещё носил мундир и подчинялся начальству. Но тогда он входил через главные ворота, при свете дня, с бумагами, подписанными генералом. Сейчас он подошёл к крепости со стороны Кронверкской протоки, там, где стена выходила к самой воде.

– Здесь, – сказал он Сомову. – Старый лаз. Ещё с тех времён, когда крепость была тюрьмой для декабристов. Смотрители знают, но смотрят сквозь пальцы – для своих.

Лаз оказался полу заваленным кирпичом, но Сомов, кряхтя, разобрал проход, и они оказались в узком коридоре, пахнущем плесенью, сыростью и чем-то ещё – старым, металлическим, неуловимым.

Они шли медленно. Гаршин опирался на трость, и каждый удар её о каменный пол казался ему оглушительным, хотя Сомов ступал совершенно бесшумно. Наконец они вышли в главный коридор Трубецкого бастиона. Здесь было темно, и только где-то далеко, в конце коридора, мерцал слабый свет – кто-то забыл керосиновую лампу или специально оставил.

– Тише, – прошептал Сомов, вынимая револьвер.

Гаршин покачал головой.

– Не понадобится. Если здесь кто-то есть, он не станет стрелять. Слишком много шума. Здесь работают иначе.

Он двинулся на свет, и чем ближе подходил, тем яснее понимал, что это не просто забытая лампа. Свет шёл из открытой камеры – одной из тех, что в глубине бастиона, куда не возят экскурсии и о которой не пишут в путеводителях.

Камера была маленькой, шагов пять в длину и три в ширину. В ней не было ничего, кроме железной койки, привинченной к полу, и грубого деревянного стола. На столе стояла лампа, а рядом с лампой...

Гаршин остановился на пороге.

На столе, рядом с лампой, лежала маска. Белая. С полуулыбкой, застывшей в вечной насмешке. Арлекин.

А под маской – лист бумаги, сложенный треугольником. Гаршин взял его, развернул. Почерк был незнакомым – крупным, размашистым, явно мужским.

*«Тот, кто ищет Коломбину, должен помнить: Коломбина не там, где её ждут. Она там, где её боятся. Спроси у старого смотрителя, кто в сорок пятом году держал ключи от этой камеры. И тогда ты узнаешь, почему вчера умер Ключарев и куда ушла девочка с глазами, которые видели слишком много. *

*P.S. Ваша Саша жива. Пока. *

*P.P.S. Не доверяйте Нестеровскому. Он сказал вам не всё.» *

Гаршин перечитал записку дважды. Потом сунул её в карман, рядом с письмом Ключарева. Нога болела невыносимо, но он не чувствовал боли. Он чувствовал только холод, идущий от каменных стен, и понимание того, что игра только началась.

– Сомов, – сказал он тихо. – Ищем старого смотрителя. И молим Бога, чтобы он ещё помнил 1845 год.

*Так начинается настоящее расследование. Впереди – допрос смотрителя, встреча с теми, кто придет на панихиду по Ключареву, и первый настоящий удар по тем, кто тридцать лет прятал правду в казематах Петропавловской крепости. Саша Нестеровская жива – но где она и кто её держит? И что скрывает её собственный отец? *

Вот продолжение истории. В этой главе Гаршин и Сомов покидают Петропавловскую крепость и отправляются в ресторан, чтобы подкрепиться перед долгим днём. Но дорога через ночной Петербург таит в себе не только туман и холод, но и тех, кто привык охотиться на зазевавшихся прохожих.

Глава 12. Ресторан «Лондон». Дорога через Лиговку

Из крепости они вышли, когда небо на востоке начало сереть, но рассвет этот был петербургским – без радости, без обещания тепла, просто серые полосы, медленно разъедающие черноту ночи. Гаршин чувствовал, как нога гудит от напряжения, а в голове вертится записка, оставленная неизвестным доброжелателем в камере Трубецкого бастиона.

«Не доверяйте Нестеровскому. Он сказал вам не всё».

Эти слова ввелись под кожу. Нестеровский – друг юности, человек, которого Гаршин знал тридцать лет. Или думал, что знал. Но если есть тайна, которую Нестеровский утаил, даже глядя в глаза сыщику, даже когда речь идёт о жизни дочери, – значит, тайна эта страшнее, чем кажется.

– Лев Ильич, – Сомов шёл рядом, широко шагая, но подстраиваясь под хромоту Гаршина, – нам бы, где перекусить. До утра ещё далеко, а вы с ног валитесь.

– Валитесь – это вы про меня или про свою совесть? – Гаршин усмехнулся краем рта. – Но по делу говорите. Есть поблизости что-то, где кормят в такую рань?

– На Лиговке, – Сомов почесал затылок. – Трактир «Лондон». Для простого люда, но чисто. И кормят там славно – щи, каша, пироги с визигой. Хозяин, старовёр, порядок любит. И главное – круглосуточно. Для извозчиков держит.

– Ведите.

Они повернули на Лиговский проспект. Здесь город был другим – не чопорным, не дворянским, а тем, настоящим, где пахло дешёвым табаком, конюшнями и жареным луком. Дома стояли вплотную друг к другу, с арками, из которых тянуло сыростью и кошачьей мочой. Фонари здесь горели редко, и мостовая была вымощена так, что Гаршин то и дело спотыкался, проклиная про себя и булыжники, и свою ногу, и весь Петербург с его вечной сыростью.

– Стойте, – вдруг сказал Сомов, замедляя шаг. – Лев Ильич, у нас хвост.

Гаршин не обернулся – он знал это правило с юности. На улице никогда не оборачивайся резко, не показывая, что заметил. Но краем глаза, в мутном отражении витрины закрытой лавки, он увидел тени. Три, нет, четыре фигуры, которые держались в двадцати шагах позади, переходя с одной стороны улицы на другую, но не отставая.

– Местные, – тихо сказал Сомов. – Лиговская шпана. Мелкая сошка, но наглые. Приезжих обирают, пьяных, одиноких. Нас двое, но я без формы, а вы... – он запнулся, подбирая слова.

– А я хромой и с тростью, – закончил Гаршин спокойно. – Лёгкая добыча. Так, значит?

– Они ещё не знают, с кем имеют дело, – Сомов усмехнулся, и в этой усмешке было что-то хищное.

Они миновали арку, и Гаршин заметил, что улица сузилась. Впереди, в конце квартала, горела вывеска трактира – тусклая, но узнаваемая: «Лондонъ». До неё было шагов сто. Но эти сто шагов, в темноте, между глухими стенами складов, были идеальным местом для того, кого задумали обчистить.

– Сейчас, – прошептал Сомов.

Гаршин почувствовал это раньше, чем увидел. Тонкое движение воздуха, чужое присутствие за спиной, нарушившее привычный ритм ночной улицы. Он успел чуть сместить вес на здоровую ногу, когда из подворотни вынырнула фигура – высокая, худая, в рваном армяке, с лицом, скрытым надвинутым картузом.

– Господин хороший, – голос был вкрадчивым, почти ласковым, – монетку не найдётся? Христа ради, на пропитание...

Гаршин знал этот приём. Один отвлекает разговором, жмётся, хватается за рукав, заслоняет обзор – а в это время двое других подходят сзади и с боков, лезут в карманы, срезают кошельки, вытаскивают часы. Классика Лиговки.

Он не стал ждать, пока руки полезут в карманы.

– Андрей Петрович, – сказал он спокойно, не повышая голоса, – у вас сзади двое.

Сомов не обернулся. Он просто шагнул назад – резко, всем корпусом, – и Гаршин услышал сдавленный вскрик и звук падения. Один из «хвостов», подошедший слишком близко, получил локтем в солнечное сплетение и теперь лежал на булыжнике, хватая ртом воздух.

Но второй, тот, что был, с другой стороны, оказался проворнее. Гаршин почувствовал, как чья-то рука скользнула в боковой карман его пальто, туда, где лежал бумажник с деньгами и, что гораздо важнее, записки Ключарева и та, что была найдена в камере.

Реакция у Гаршина, несмотря на хромоту и возраст, осталась той же, что в Севастополе. Он не стал хватать вора за руку – тот бы выскользнул. Он сделал иначе. Трость, на которую он опирался, в одно движение превратилась из опоры в оружие. Крюк набалдашника, выточенного в виде волчьей головы, вцепился в воротник армяка вора, и Гаршин рванул на себя с такой силой, что вор, не удержав равновесия, полетел на мостовую, увлекая за собой сыщика. Гаршин устоял – нога взвыла огнём, но он удержался, навалившись на трость всем весом.

– Лежать! – голос Гаршина, обычно спокойный и тихий, вдруг обрёл ту самую командирскую ноту, которая заставляла замирать даже самых отчаянных. – Руки на затылок. Мордой вниз.

Вор, парень лет восемнадцати, с лицом, испещрённым оспинами, попытался дёрнуться, но крюк трости держал мёртво. Гаршин, не выпуская его, полез в карман жилета и вытащил полицейский свисток – старый, медный, с вытертой от времени гравировкой. Он не пользовался им много лет, но носил по привычке, заведённой ещё на службе.

Свисток взвизгнул – резко, пронзительно, по-особенному, как свистят только городовые, знающие своё дело. Этот звук в ночной тишине Лиговки прозвучал как сигнал тревоги, и эхо его унеслось далеко в переулки.

Эффект был мгновенным. Те двое, что были с Сомовым – один лежал, свернувшись калачиком, второй, молодой и шустрый, – бросились наутёк, исчезнув в подворотне так быстро, словно их и не было. Третий, тот, что пытался заговорить Гаршина, тоже метнулся было прочь, но споткнулся о своего подельника и рухнул, запутавшись в полах длинного армяка.

Сомов наступил ему на спину ногой, не сильно, но весомо.

– Сиди, сокол. Не дёргайся.

Из-за угла, тяжело топая сапогами, показалась фигура городского – дюжего мужчины в промокшей шинели, с фонарём в руке. Он держался за пашку, но, увидев Сомова, остановился, прищурился.

– Андрей Петрович? – голос у городского был удивлённый. – Вы ли это? А я слышу свисток, думаю – что за оказия, наши здесь не дежурят...

– Здравствуй, Ефремов, – Сомов кивнул, не убирая ноги со спины лежащего. – Вот, господин частный сыщик Гаршин, – он кивнул в сторону Льва Ильича, который всё ещё держал вора на крюке трости, – изволили поймать местную шушера за карманным промыслом. Трое напали, двое утекли, этих, – он ткнул носком сапога в спину под собой, – прими в участок.

Городовой, Ефремов, подошёл ближе, посветил фонарём. Увидел Гаршина, его спокойное, жёсткое лицо, трость, которой тот держал за шиворот корчившегося парня, и почему-то козырнул – хотя Гаршин не был ни в форме, ни при чине.

– Господин Гаршин, – сказал Ефремов с уважением. – Слышал о вас. Андрей Петрович сказывал. Позвольте, я этих голубчиков приму.

– Забирай, – Гаршин отпустил трость, и вор, освобождённый от хватки, попытался было вскочить, но тут же был придавлен сапогом Ефремова.

– А этих, что утекли, – добавил Гаршин, обращаясь к городовому, – не ищите сегодня. Мелкая сошка, завтра сами объявятся в другом месте. Но того, который в карман мне лез, – он кивнул на парня, которого держал, – допросите. Спросите, кто их наставил. Не похоже это на простую лиговскую шпану. Слишком нагло, слишком умело. Кто-то их послал, чтобы проверить, что у меня в карманах.

Ефремов и Сомов переглянулись.

– Думаете, Лев Ильич, – начал было Сомов, но Гаршин перебил:

– Уверен. Обычные уличные воры не ждут жертву у стен крепости в четыре утра. И не работают такой слаженной четвёркой ради бумажника случайного прохожего. Это была засада. Кто-то очень хотел узнать, что мы вынесли из Трубецкого бастиона.

Он нагнулся – нога пронзила болью, но он стиснул зубы, – и поднял с мостовой то, что выпало из кармана вора при падении. Маленький, аккуратно сложенный листок. Не его. Воровской.

Гаршин развернул его. На клочке серой бумаги было написано карандашом, торопливо, но разборчиво:

*«Двое из крепости. Хромой и здоровый. Идут к «Лондону». Взять бумаги у хромого. Плата – двадцать пять рублей. Не убивать. Только бумаги.» *

Он протянул записку Сомову. Тот прочитал, присвистнул.

– Двадцать пять рублей за ваш бумажник, Лев Ильич. Это дорого. Кто-то очень хочет получить то, что вы нашли.

– Или то, что думает, что я нашёл, – поправил Гаршин. – Значит, мы на верном следу.

Он повернулся к Ефремову, который уже связывал задержанных сыромятным ремнём.

– Ефремов, когда будете допрашивать этого молодца, спросите, кто дал задание. Как выглядел заказчик. Говорил ли он что-нибудь ещё. И передайте в участок, чтобы мне сообщили. Я сейчас буду в «Лондоне», потом – к себе на Малую Садовую.

– Слушаюсь, – Ефремов козырнул вторично.

– И ещё, – Гаршин остановился, уже сделав шаг в сторону трактира. – Выпьете с нами чаю, когда сдадите этих. Я угощаю.

Ефремов улыбнулся в усы.

– Благодарствую, Лев Ильич. Забегу, как управлюсь.

Глава 13. «Лондон». Утренний чай и старые связи.

Трактир «Лондон» на Лиговке был заведением неказистым, но крепким. Длинная стойка из морёного дуба, лавки вдоль стен, тяжёлые столы, исцарапанные ножами за много лет. Пахло здесь щами, ржаным хлебом и тем особым, уютным духом, который бывает только в местах, где кормят сытно и честно.

Хозяин, Фёдор Прокофьевич, старовёр с окладистой седой бородой, встретил их поклоном. С Сомовым они были знакомы – Андрей Петрович частенько захаживал сюда после службы, когда ещё носил мундир.

– Садитесь, гости дорогие, – прогудел хозяин, пододвигая лавку. – Щей налить? Каша гречневая с маслом есть. Пирог с визигой, с рыжиками. Чай китайский, настоящий.

– Всё неси, Фёдор Прокофьевич, – Сомов снял пальто, повесил на крюк у входа. – И самовар ставь. У господина Гаршина сегодня ночка выдалась.

Гаршин опустился на лавку с облегчением – нога наконец-то получила отдых. Он положил трость рядом, расстегнул пальто и только сейчас заметил, что рукав надорван – вор, когда Гаршин рванул его на себя, успел ухватиться за ткань. Мелочь, но неприятная. Это пальто шила ему ещё жена, Елизавета Павловна, в последний год их жизни вместе. Он носил его бережно, как память.

– Сомов, – сказал он, когда перед ними поставили дымящиеся миски со щами, – вы знаете этого Ефремова?

– Знаю, – Сомов хлебнул щей, крикнул от удовольствия. – Мужик толковый. Из мещан, в полиции лет десять. На Лиговке служит, знает здесь каждую щель и каждую душу. Если кто из местных на такое дело подрядился – Ефремов выведает. Только...

– Что?

– Только я не думаю, что заказчик был из местных. Двадцать пять рублей для лиговской шпаны – целое состояние. За такие деньги они бы и убить могли, а не просто бумаги вытащить. А тут – чёткий приказ: «не убивать, только бумаги». Кто-то очень хочет узнать, что вы нашли, но не хочет поднимать шум.

Гаршин молча жевал пирог с визигой – начинка была острой, пряной, и тепло разливалось по телу, вытесняя холод крепостных стен. Он думал.

Кто мог знать, что они с Сомовым пойдут в крепость? Только Нестеровский. Но если Нестеровский – заказчик, зачем ему нанимать шпану, чтобы украсть бумаги, которые он и так мог бы попросить показать? Нестеровский – человек робкий, но не глупый. Он понимает, что Гаршин работает на него, что его дочь в опасности. Ссориться с сыщиком ему не с руки.

Значит, не Нестеровский.

Кто-то следил за домом Нестеровского. Видел, как Гаршин пришёл, как ушёл. Возможно, даже знал, что он отправился в крепость. И расставил ловушку на обратном пути.

– Сомов, – Гаршин отодвинул пустую миску, – после чая поедem ко мне. Нужно разобрать бумаги, которые у нас есть. И нужно найти старого смотрителя крепости.

– Я уже думал об этом, – Сомов отставил кружку с чаем. – Старых смотрителей там двое. Один – Иван Матвеевич Хромов, отслужил тридцать лет, сейчас на покое, живёт на Петроградской стороне. Второй – Тимофей Кузьмич Зайцев, тот вообще при крепости живёт, сторожем в соборе. Но он... того.

– Чего «того»?

– Говорят после того, как в сорок пятом там камеры чистили после одного секретного дела, он умом тронулся. Сидит у собора, на паперти, ни с кем не разговаривает. Только крепится и шепчет что-то. Может, знает, а может, и нет. Но Хромов – человек дельный. Если кто помнит, кто в сорок пятом ключи держал – это он.

– Хромов, – повторил Гаршин. – Хромого ищет хромой. Ирония судьбы.

Он взял в руки записку, найденную у вора, перечитал ещё раз. «Двое из крепости». Значит, тот, кто отправил шпану, знал, откуда они идут. Но не знал имён. Иначе написал бы «Гаршин и Сомов». Это утешало – значит, их личности ещё не раскрыты. Но тревожило – кто-то следит за каждым их шагом.

– Лев Ильич, – Сомов понизил голос, хотя в трактире, кроме них и хозяина, никого не было. – А что, если эта записка из камеры – не подсказка, а ловушка? Если нас туда заманили специально, чтобы мы нашли её и побежали по ложному следу?

– Я думал об этом, – Гаршин откинулся на спинку лавки. – Но слишком сложно. Слишком много неизвестных. Чтобы заманить нас в крепость, нужно было знать, что Нестеровский придёт ко мне, что я соглашусь, что мы полезем именно в Трубецкой бастион, а не куда-нибудь ещё. Это не ловушка, Сомов. Это приглашение.

– Приглашение к чему?

– К игре. Кто-то хочет, чтобы мы копали в этом направлении. Потому что у этого «кого-то» есть свои счёты с тем, кто убил Ключарева и держит Сашу Нестеровскую.

Он допил чай, поставил кружку на стол.

– Едем. Нужно найти Хромова, пока он не исчез, как тот кучер. И нужно понять, что за список пассажиров в Штеттин достал Ключарев. И почему Нестеровский, глядя мне в глаза, что-то недоговаривает.

Гаршин поднялся, опираясь на трость. Нога за время отдыха немного отпустила, но боль не ушла – она притаилась, ожидая следующего шага.

Он бросил на стол рубль – щедро, гораздо больше, чем стоил ужин.

– Фёдор Прокофьевич, – сказал он хозяину, – если кто будет спрашивать о нас – не говорите, что мы были. Скажите, что никого не видели.

Старовер понимающе кивнул.

– Знаю, барин. Умею молчать, когда надо. Не впервой.

Они вышли на улицу. Рассвет наконец-то вступил в свои права – серый, безнадежный, но всё-таки свет. Гаршин посмотрел на восток, где над крышами вставало тусклое, негреющее солнце, и подумал о Саше Нестеровской. Где она сейчас? В какой подвал, в какую каморку её затащили? Или она сама ушла, как написала в записке – «я знаю, кто убил»?

– Сомов, – сказал он, не оборачиваясь. – Берите извозчика. Едем на Петроградскую. К Хромову.

– А если не застанем?

– Застанем, – Гаршин запахнул порванное пальто, пряча от утреннего ветра и от чужого взгляда ту самую прореху, которую так и не успела зашить Елизавета. – Или мы найдём его, или он найдёт нас. Третьего не дано.

*Так, после столкновения с лиговской шпаной и сытного завтрака в трактире «Лондон», Гаршин и Сомов отправляются на поиски старого смотрителя Петропавловской крепости, который хранит ключи не только от камер, но и от тайны, тридцать лет пролежавшей в сырых стенах Трубецкого бастиона. Впереди – встреча с человеком, который знал 1845 год не по бумагам, и первые настоящие ответы на вопросы, которые Гаршин боится задавать даже самому себе. *

Вот продолжение истории. Гаршин возвращается домой, чтобы разобрать бумаги и перевести дух, но утренняя газета приносит ему неожиданную зацепку, которая меняет всё направление расследования.

Глава 14. Дом на Малой Садовой. Утренняя газета.

В контору на Малой Садовой они вернулись, когда город уже проснулся. За окнами слышался глухой перестук колёс по торцам, выкрики торговков с лотками, далёкий звон колоколов Исаакиевского собора – обычный утренний гул Петербурга, который всегда казался Гаршину самым честным звуком этого города. Город просыпался и делал вид, что ночь с её смертями, заговорами и пропавшими девушками была всего лишь дурным сном.

Сомов, войдя в контору, сразу направился к печке – раздуть огонь и поставить чайник. Гаршин же, не раздеваясь, опустился в своё кресло у камина, вытянув больную ногу на скамеечку. Всё тело ломило после бессонной ночи, но мысли работали с той лихорадочной ясностью, которая всегда посещала его на грани изнеможения. Он знал: если сейчас закроет глаза – уснёт, а спать нельзя. Слишком многое поставлено на карту.

– Андрей Петрович, – сказал он, расстёгивая пальто. – На столе, слева, лежат бумаги Ключарева. Те, что передал Нестеровский. Принесите, будем разбирать.

Сомов принёс папку из тиснёной кожи – дорогую, явно не канцелярскую. Ключарев, даже будучи человеком осторожным, любил хорошие вещи. Гаршин раскрыл папку, и содержимое её рассыпалось по столу: несколько листов плотной бумаги, исписанных убористым почерком; сложенная вдвое выписка из какого-то документа с сургучной печатью; и главное – тот самый список пассажиров парохода, идущего в Штеттин.

Гаршин взял список в руки. Бумага была тонкой, почти прозрачной, почерк – канцелярским, безликим. Двадцать три фамилии. Большинство – немецкие, некоторые – русские с переделанными на западный манер окончаниями. Гаршин пробежал глазами столбцы: «Мюллер К.Ф., коммерции советник», «фон Берг А.А., статский советник», «Петровский И.И., купец 1-й гильдии» ... Ничего примечательного на первый взгляд. Обычные люди, обычные фамилии. Но Ключарев отдал за этот список жизнь.

– Сомов, – Гаршин отложил бумаги. – Что вы знаете о Штеттине?

– Порт, – Сомов пожал плечами, ставя на стол закипевший чайник. – Немецкий. Паромы ходят из Петербурга регулярно. Купцы наши возят туда лес, пеньку, хлеб. Оттуда везут машины, вина, всякую тонкость. А почему вы спрашиваете?

– Потому что двадцать три человека, включая коммерции советника и статского советника, не садятся на паром в Штеттин просто так, чтобы купить пеньку. Они бегут. Кто-то из них бежит от долгов, кто-то – от правосудия, а кто-то, возможно, – от пули. И Ключарев узнал, кто именно и почему.

– Думаете, убийцы искали этот список?

– Уверен. Но нашли ли? Если бы нашли – Нестеровский был бы уже мёртв. Значит, список не нашли. Или нашли, но поняли, что это копия, а оригинал – у Нестеровского.

Гаршин налил себе чаю в стакан, отхлебнул. Обжигающе горячий, с бергамотом – Елизавета всегда покупала такой. Он отогнал воспоминание и вернулся к бумагам.

Среди листов нашлась и та самая выписка из документа. Гаршин развернул её, прочитал и замер.

Это был приговор. Не судебный – нет. Какой-то внутренний, ведомственный. На бланке III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Датирован 15 декабря 1845 года. В приговоре говорилось о некоем «деле № 47», которое надлежало считать «секретным, без права оглашения впредь до особого распоряжения». Под текстом стояли подписи: граф Орлов, начальник III Отделения, и ещё одна – размашистая, с росчерком, который Гаршин узнал бы из тысячи. Генерал-майор Шувалов-Бельский. Тот самый Шувалов-Бельский, который был врагом Гаршина ещё с лицейской скамьи, а ныне – один из самых влиятельных людей в тайной полиции.

– Вот оно, – тихо сказал Гаршин. – Теперь я понимаю, почему Ключарев не пошёл в официальные инстанции.

Сомов подошёл ближе, взглянул на бумагу. Лицо его, обычно спокойное, потемнело.

– Шувалов-Бельский, – проговорил он. – Тот самый?

– Тот самый. В сорок пятом он был молодым, но уже рвущимся к власти. И, судя по всему, именно он вёл это дело. А теперь, тридцать лет спустя, он генерал-майор, приближён ко двору, и, если кто-то хочет поднять эту историю – он уничтожит любого. Ключарева он уничтожил. И Сашу Нестеровскую уничтожит, если она действительно что-то знает.

Гаршин отодвинул бумаги, откинулся в кресле. Глаза слипались, но он заставил себя смотреть на огонь в камине, перебирая в голове всё, что узнал за ночь. Ключарев убит профессиональным ударом в затылок. В камере Трубецкого бастиона их ждала записка с намёком на зрителя. На обратном пути их попытались ограбить по наводке, причём грабители искали именно бумаги. Всё это звенья одной цепи, но центральное звено – Саша Нестеровская – пока отсутствовало.

– Мне нужно подумать, – сказал он Сомову. – Один. Вы пока сходите на Петроградскую, разузнайте про Хромова. Не подходите к нему, просто посмотрите, где живёт, кто к нему ходит, не было ли чужих. Если он под колпаком у тех, кто убил Ключарева, нам нужно знать об этом до того, как мы с ним встретимся.

– А вы? – Сомов взял с вешалки пальто.

– А я посплю два часа. И потом почитаю газеты.

– Газеты? – Сомов удивился. – Лев Ильич, какое сейчас чтение? Вы же сами говорите, что времени в обрез.

– Именно потому, что времени в обрез, я и хочу понять, что происходит в городе помимо нашего дела. Преступник всегда оставляет след не только на месте убийства, но и в воздухе времени. Если я пойму, чем живёт сегодня Петербург, может быть, пойму, где искать Сашу.

Сомов покачал головой, но спорить не стал. Он знал Гаршина – если тот что-то решил, переубедить его невозможно. Они выпили по второму стакану чая, после чего Сомов ушёл, а Гаршин, с трудом поднявшись, добрался до дивана в углу конторы, накрылся пледом и провалился в тяжёлый, без сновидений, сон.

Проснулся он ровно через два часа – привычка, выработанная за годы службы, когда спать приходилось урывками. За окном разгулялось серое петербургское утро, но в комнате было тепло: Сомов перед уходом подбросил дров в печь.

Гаршин умылся ледяной водой из рукомойника, привёл себя в порядок и сел за стол. Свежие газеты – «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос», «Петербургский листок» – он выписывал постоянно, хотя в последнее время редко находил время их читать. Сегодняшние номера лежали на этажерке у входа, ещё пахнувшие типографской краской.

Он начал с «Ведомостей» – официальных, чопорных, где новости перемежались с высочайшими манифестами и биржевыми сводками. Ничего. Потом взял «Голос» – либеральную газету, где печатали городские хроники, судебные отчёты и объявления. Пролистал первые страницы. Убийство на Фонтанке, конечно, упоминалось, но в трёх строках: «Статский советник А.Д. Ключарев скончался в результате несчастного случая, попав под экипаж». Ни имён свидетелей, ни подробностей. Кто-то очень постарался, чтобы дело выглядело заурядным.

Он уже хотел отложить газету, когда взгляд его упал на последнюю страницу – ту, где печатали афиши и объявления. Крупным шрифтом было набрано:

****«Впервые в Петербурге! ****

****Бродячий цирк мадемуазель Ленорман!****

****Представления ежедневно на Лиговском проспекте, у Пороховых складов. ****

****Акробаты, клоуны, дрессированные звери! ****

****Итальянская комедия масок – в новом исполнении! ****

****Вход: 30 копеек, ложа: 3 рубля.****

Гаршин не понял сначала, что именно его зацепило. Он перечитал объявление ещё раз, и вдруг всё встало на свои места.

***Итальянская комедия масок. ***

Коломбина. Арлекин. Маски, которые оставила Саша Нестеровская. Театральная маска на её столике. И записка в крепости – «Коломбина там, где её боятся».

Он резко поднялся, забыв о больной ноге, и сделал шаг к окну. На Лиговке, у Пороховых складов – это же в двух шагах от того места, где на них напала шпана! Где они завтракали в «Лондоне»! Цирк стоит там, на Лиговке, и его афиша обещает итальянскую комедию масок.

– Чёрт возьми, – прошептал Гаршин. – Как я сразу не понял?

Он схватил газету, перечитал объявление в третий раз. «Мадемуазель Ленорман». Имя было французским, но цирк – бродячий, приезжий. Такие труппы кочуют из города в город, дают представления на ярмарках, в балаганах. Они – идеальное прикрытие для чего угодно: для передачи сообщений, для встреч, для укрывательства людей. И если Саша Нестеровская ушла из дома, взяв маску Арлекина, значит, она шла именно туда. К тем, кто играет эту комедию. К тем, кто знает, что такое «Коломбина в крепости».

Гаршин начал ходить по комнате, насколько позволяла хромота, перебирая в уме факты.

Лиговка. Шпана, которая на них напала, действовала по наводке. Кто-то знал, что они идут из крепости, и хотел украсть бумаги. Этот «кто-то» не убийца – убийца действует чище, профессиональнее. Нет, это посредник. Человек, который следит, собирает информацию, передаёт дальше. И такой человек идеально может скрываться в цирковой труппе – там, где каждый день новые лица, где все в гриме, где легко исчезнуть и появиться под другим именем.

А главное – маска. Белая маска Арлекина на столике Саши. Она оставила её не случайно. Она хотела, чтобы отец понял: она уходит к тем, кто связан с театром. К тем, кто может помочь ей найти Коломбину.

Но что такое «Коломбина в крепости»? Гаршин всё думал об этом. В итальянской комедии Коломбина – не героиня, не жертва. Она – посредник. Она знает тайны всех, но сама остаётся в тени. Она помогает влюблённым, но никогда не попадается. «Коломбина в крепости» – это не человек, не место. Это способ. Способ передать информацию из самого охраняемого места в империи – из Петропавловской крепости. Кто-то, тридцать лет назад, сумел вынести из казематов то, что должно было навсегда остаться в тайне. И этот «кто-то» использовал цирк. Бродячих актёров, которые могли проходить куда угодно, не вызывая подозрений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.